

Яркий свет заливал роскошную хрустальную люстру, и каждая грановитая подвеска сверкала, отбрасывая блики на стены гостиной, где царила атмосфера фальшивого уюта и семейного тепла.

Чэн Ань, одетый в костюм из весенней коллекции Dior, с надменным видом суперзвезды поправил безупречно уложенные волосы. На его запястье красовались часы Patek Philippe из лимитированной серии, единственные во всей стране.

Стоявший рядом агент с угодливой улыбкой протянул бархатный футляр госпоже Чэн.

— Мама, это тебе подарок на Новый год, — улыбнулся Чэн Ань.

Женщина открыла коробку. На бархатной подложке лежал великолепный изумруд, обрамленный бриллиантами.

— Спасибо, Ань-Ань. Должно быть, безумно дорого?

Чэн Ань небрежно отмахнулся:

— Пустяки. Мой парень купил, чтобы угодить тебе. Разве пара десятков миллионов — деньги, когда речь идет о твоей улыбке?

Госпожа Чэн закрыла футляр и, ласково сжав ладонь сына, тихо вздохнула:

— Наша семья сейчас переживает не лучшие времена. Хорошо, что у нас есть ты, сынок. Настоящая опора.

Чэн Ань слегка кивнул, но его взгляд устремился вверх, к потолку. В глазах мелькнуло раздражение.

— И зачем мы до сих пор держим это ничтожество на чердаке? — с намеком спросил он.

Заметив любопытство в глазах агента, госпожа Чэн негромко пресекла расспросы:

— Он еще может пригодиться. Обсудим это позже.

Чэн Ань поморщился, явно брезгуя даже упоминанием этого существа. Его лицо мгновенно похолодело.

Особняк семьи Чэн был построен в европейском стиле. Пять лет назад его полностью перестроили по вкусу Чэн Аня. В высшем обществе Биньчэна все знали, как сильно родители

балуют своего старшего сына, не жалея средств на его карьеру и капризы.

Но никто и не догадывался, что под самой крышей этого роскошного дома, на чердаке семьи Чэн, заперт несчастный, всеми забытый и презираемый младший сын...

— Молодой господин, пора обедать, — старый дворецкий дядя Лю осторожно поставил поднос с едой у двери и негромко постучал в деревянную дверь.

В ответ не раздалось ни звука.

Старик привык к молчанию. Он постучал еще раз, готовый к тому, что на него накричат, но и теперь комната за дверью безмолвствовала.

Проходившая мимо горничная А-Вэнь презрительно фыркнула, покосившись на запертую дверь:

— Дядя Лю, бросьте вы это. Сами ведь знаете его вздорный характер. Выглядит уже хуже бродяги, а все строит из себя господина. Только и умеет, что капризничать да посуду бить. Избалованный ублюдок.

Для запертого на чердаке затворника требовалось регулярно приносить еду и чистую одежду. Но во всем доме эту обязанность соглашался выполнять только старый дворецкий. Пленник отличался невыносимым нравом, почти не шел на контакт, а его рассудок то угасал, то возвращался вновь. Обычные слуги просто боялись к нему приближаться.

Дядя Лю нахмурился:

— Что-то сегодня слишком тихо. Вдруг молодой господин заболел?

— Молодой господин? — А-Вэнь язвительно усмехнулась. — Дядя Лю, вы на старости лет совсем из ума выжили? В этом доме есть только один молодой господин — Чэн Ань. А это сумасшедшее, слабоумное отродье недостойно так называться.

Дворецкий промолчал. Он в последний раз постучал в дверь, но, так и не дождавшись ответа, со вздохом побрел прочь.

В полумраке заброшенной комнаты, куда проникал лишь блеклый свет из единственного квадратного окна, витал запах пыли. У шкафа сиротливо пылились нефритовые веера и бумажные зонтики.

На мягком ковре лежал юноша в белых одеждах.

Это был Чэн Фань, младший сын семьи Чэн.

Его тонкие, болезненно бледные ноги казались почти прозрачными в лунном свете.

Он поднял исхудавшую руку, пытаясь поймать дрожащие лучи, и безмолвные слезы покатались по его изможденному лицу.

Чэн Фань долгое время верил, что заперт здесь из-за собственного скудоумия. Он думал, что слишком глуп и слаб, чтобы соответствовать статусу семьи.

Но он искренне верил, что мать любит его — пусть и странной, скрытной любовью. Ведь его комната была обставлена дорогой мебелью, а еду и одежду ему покупали только самого лучшего качества. Из-за этой веры он ревностно цеплялся за свои привилегии: стоило прислуге проявить хоть каплю пренебрежения, как он закатывал яростные истерики, требуя к себе уважения.

Для него это было единственным доказательством материнской любви. Он боялся потерять даже эту малость.

В редкие моменты, когда разум прояснялся, он колотил в дверь и звал маму. Она иногда отзывалась из коридора, но за пять лет ни разу не переступила порог его темницы.

И вот сегодня утром последняя иллюзия, дарившая ему надежду, разбилась вдребезги.

Прошлой ночью дядя Лю забыл запереть замок. Чэн Фань, как напуганная птица, впервые за пять лет робко шагнул за пределы своей комнаты.

На улице лежал снег, и лунный свет, отражаясь от сугробов, заливал коридор ярким сиянием. Юноша шел босиком, пугаясь каждого шороха, но непреодолимое желание увидеть маму вело его вперед, к ее спальне.

Его сердце бешено колотилось, пальцы дрожали. Разум сегодня был удивительно ясен — он надеялся, что не испугает и не разочарует ее своим видом.

Но стоило ему занести руку для стука, как из-за двери донеслись голоса родителей. Услышанное прозвучало как гром среди ясного неба.

— Чэн Фань все равно не наш сын, — небрежно бросил отец. — Почему бы просто не выбросить его на улицу? Хватит позорить семью этим идиотом.

— Нельзя, — недовольно возразила мать. — Монах ясно сказал: у него редкая судьба, и ритуал для нашего благополучия еще не завершен. Он должен оставаться на чердаке добровольно,

веря, что мы его семья. Только так мы сохраним богатство и процветание.

— А лекарство? Ты продолжаешь подсыпать его в еду? — спросил отец. — Он принимает его уже семь лет и окончательно превратился в дурака. Вдруг он умрет?

— Подсыпаю, когда нужно, — ответила женщина. — Я и сама боюсь переборщить с дозировкой. Чтобы он не протянул ноги раньше времени, я даю ему специальное лекарство fden. Все ампулы лежат в одном сейфе.

Чэн Фань забился в угол, содрогаясь от беззвучных слез. Его лицо исказилось от невыносимой боли.

Он и представить не мог, что не был им родным. И уж тем более не знал, что его безумие — не врожденный недуг, а результат чудовищного отравления. Женщина, которую он боготворил, методично превращала его в овощ ради нелепого суеверия. Двадцать четыре года его держали как домашний скот ради мифического процветания.

Луна скрылась за тучами. Чэн Фань горько усмехнулся. В этой темной комнате отчаяние медленно перерождалось в глухую, леденящую кровь ненависть.

Он с трудом поднялся, подошел к окну и посмотрел на ночное небо.

Все эти годы только луна была его единственным безмолвным собеседником.

И теперь она уходила от него.

Он распахнул створки окна. Ледяной зимний воздух ворвался в душную комнату, обжигая легкие.

Внизу, в саду, слышались шаги.

Мать ласково улыбалась Чэн Аню, поправляя на нем шарф. Чэн Ань, ставший за эти годы настоящей звездой, небрежно вскинул голову и наткнулся на взгляд Чэн Фаня. На его губах заиграла высокомерная, издевательская усмешка.

Для Чэн Аня он всегда был лишь грязным секретом, глупым домашним дурачком, которого держат из милости. Семья Чэн вычеркнула его из жизни, а когда Чэн Ань обручился, то и вовсе перестал подниматься на чердак.

Почувствовав на себе взгляд сверху, госпожа Чэн тоже подняла голову. Но в ее глазах не было и капли тепла — лишь брезгливость, словно она увидела кучу грязи. Она тут же отвела взгляд и поспешила скрыться в доме.

В этот момент сердце Чэн Фаня окончательно окаменело.

Он тихо рассмеялся, поднял с пола нефритовый веер и прикрыл им лицо. Сквозь пальцы катились редкие, горькие слезы.

Когда-то он очень любил танцевать.

Веер выскользнул из ослабевших рук. Чэн Фань залез на подоконник.

Зима подходила к концу, в воздухе кружились первые весенние снежинки.

Его предали все.

Рыдания душили его, но слез больше не осталось. Он протянул руку к исчезающему свету луны, пытаясь ухватить его, как когда-то пытался ухватить иллюзию семейного тепла. Но пальцы сжимали лишь пустоту.

Туча окончательно закрыла небо.

Чэн Фань вздрогнул.

Подавшись вперед, он не удержал равновесие на обледеневшем подоконнике. Словно сломанная кукла, юноша сорвался вниз с четвертого этажа.

Глухой удар нарушил тишину предвесенней ночи. На белом снегу распластался силуэт в светлых одеждах.

Это был первый день нового года.

И последний день жизни Чэн Фаня.

У ворот поместья стоял черный спорткар. Человек, сидевший за рулем, услышал этот звук и, скрытый ночной тенью, медленно улыбнулся.

— Чэн Фань, пора пить лекарство.

— Чэн Фань?

Окружающие звуки становились все отчетливее, а ощущение бесконечного падения наконец прекратилось.

Чэн Фань медленно открыл глаза. Перед ним стоял Чэн Ань с пиалой в руках. Его лицо выражало явное нетерпение и легкую неловкость.

— Ты сильно простудился, капельницы не помогают. Мама лично сварила для тебя этот целебный отвар, пей скорее.

Эта чаша в его руках казалась горячим углем, от которого он мечтал поскорее избавиться.

Чэн Фань молча перевел взгляд на обстановку.

Светлая, чистая комната. В воздухе витал едва уловимый аромат шалфея с легкой ноткой сладости. На вешалке аккуратно висела его одежда — модели, которые были популярны несколько лет назад.

Яркое солнце слепило глаза, пробиваясь сквозь огромное панорамное окно. Никаких решеток, никакой пыли чердака.

Взгляд Чэн Фаня замер на настенных часах.

Январь 2022 года. Город Биньтань.

Он вернулся в прошлое.

Обрывки воспоминаний медленно складывались в единую мозаику.

Сейчас Чэн Ань одет в форму Университета К. Сам Чэн Фань помнил, что когда-то сдал экзамены лучше всех в городе и поступил в престижную Девятую среднюю школу. Но на последнем году обучения его здоровье резко ухудшилось. Мать настаивала на домашнем обучении, а затем его состояние стало стремительно ухудшаться. Рассудок мутился, память подводила.

В итоге в двадцать один год его заперли на чердаке.

А сейчас ему девятнадцать. Чэн Ань учится на втором курсе.

Разложив в голове временную шкалу, Чэн Фань пристально посмотрел на Чэн Аня.

Под этим холодным, пронизательным взглядом Чэн Аня стало не по себе.

— Ну чего ты ждешь? Пей быстрее, у меня уже руки затекли держать ее.

Чэн Фань слегка прищурился и тихо спросил:

— Что это за лекарство?

Чэн Ань отвел глаза:

— Обычный травяной сбор от простуды. Мама сама его варила, заботилась о тебе.

Фарфоровая чашка с изящным узором в виде цветов юбки выглядела безупречно. Чэн Фань не знал, когда именно мачеха начала травить его, но помнил, что с восемнадцати лет страдал от постоянной сонливости и упадка сил. Значит, яд уже год поступает в его организм.

В свои девятнадцать лет Чэн Фань был невероятно хорош собой. Яркая, притягательная красота без тени женственности, утонченность движений и врожденный талант к танцам сулили ему блестящее будущее. Если бы не «болезнь», он бы без труда поступил в лучший вуз страны.

Но теперь у него появился шанс все исправить.

Чэн Ань с раздражением смотрел на брата. Он ненавидел его внешность, рядом с которой сам казался блеклой тенью. Чэн Ань подозревал, что настоящая мать Чэн Фаня была редкой красавицей, раз наградила сына такой внешностью. С самого детства все внимание доставалось только этому баловню судьбы, пока Чэн Ань копил обиду и зависть.

Когда родители открыли ему правду о происхождении брата и планах на его счет, эта зависть переросла в жажду мести. Он мечтал увидеть Чэн Фаня поверженным.

Заметив, что Чэн Фань молчит уже несколько минут, Чэн Ань не выдержал. Он снова протянул чашку:

— Мама так старалась для тебя. Тебе действительно повезло иметь такую заботливую семью.

В глазах Чэн Фаня промелькнула холодная усмешка. Он медленно протянул руку, взял чашу и придвинул ее к лицу Чэн Аня:

— Забирай это везение себе. Вместе со всей его заботой.

В следующий миг тонкий фарфор с грохотом разлетелся на мелкие осколки, а темная жидкость хлынула на дорогой паркет.

<http://bllate.org/book/19809/1973459>